

УДК 1:316.4

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В. А. Ручин

Саратовский государственный университет
E-mail: r-vl@yandex.ru

Статья посвящена проблеме образования в контексте взаимодействия культур России и Китая. На основе понятий *сфера образования, международная коммуникация и межкультурная коммуникация* обосновываются тождественность культуры и образования, культурный контекст образования, влияние образования на фундаментальное явление современной общественной жизни – межкультурный диалог.

Ключевые слова: культура, образование в узком и широком смысле, сфера образования, международная коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурный диалог.

The Problem of Education in the Context of Russian-Chinese Cultural Dialogue

V. A. Ruchin

The article deals with the problem of education in the context of cultural interaction of Russia and China. Basing on the definitions *educational sphere, international communication and intercultural communication*, the identity of culture and education, cultural educational context, influence of education on the fundamental phenomenon of the contemporary social life – intercultural dialogue – are grounded.

Key words: culture, education in the narrow and wide sense, educational sphere, international communication, intercultural communication, intercultural dialogue.

Образование в широком смысле представляет собой *сферу образования* – синтез господствующих в обществе идей, взглядов, закреплённых социальными институтами, т. е. социальное пространство в его ценностном выражении. В данной статье образование рассматривается в контексте взаимодействия культур России и Китая, при этом понятие *международная коммуникация* изначально определяется как совокупность разнообразных информационных потоков (порой противодействующих), понятие *межкультурная коммуникация* – как общепринятая форма международных контактов, а понятие *межкультурный диалог* – как двустороннее общение, базирующееся на принципах взаимоуважения, взаимопонимания и сотворчества.

Образование в узком смысле – это не просто профессиональная подготовка или обучение как таковое, а подготовка и обучение, скорректированные стремлением индивида к определённому нравственному образцу, каковое стремление формулируется и формируется, естественно, на основе не только созданной человеком культуры,

но и *самости* образования как социального явления. Образование существует ради человека, для которого оно – связь с целым миром, судьба, явленность, открытость и даже – сверхчувственное. Такого рода предопределение есть не что иное как сущее, т. е. в какой-то мере чувственно-идеальное, в его связи с реальностью, исходящее от явленности бытия сущего. Следовательно, образование – это личностный подход к образу, следование идеалу, и с точки зрения идеала такое образование однозначно позитивно. «Жить и творить должен каждый сам. И это удастся ему [человеку] тем больше и тем лучше, чем глубже он укоренится в своем собственном, выстраданном и вымоленном духовном опыте...»¹. Такому подходу придается смысл «почвы», «опоры» всех взглядов на образование. И если происходит отрыв от данных *установок*, то начинается падение образования, по сути – разрушение его сферы.

Если исходить из того факта, что образование в узком смысле действительно есть установка, своего рода «предназначение», то это не только индивидуальное предназначение, но и целостная предназначённость наций, их культур. В таком случае образование не может быть обращено отдельным человеком на «самого себя», так как выходит за рамки субъективного и может рассматриваться в одном ряду с другими социально-объективными явлениями.

Исторически образование и в узком, и в широком смысле способствовало достижению двуединой цели: с одной стороны, обеспечению соответствующих времени условий развития личности и общества, а с другой – национальной самоидентификации. Достижение данной цели увязывалось с решением ряда ключевых задач: освоением необходимого уровня научно-технического прогресса, сохранением на основе традиций культурно-исторического генотипа. А потому образование всегда – существеннейший фактор международного общения и межкультурного диалога.

Основная характеристика слагаемых любой культуры – ценность, «а само культурное наследие в целом – воплощение разумного человека, восхождение его практической деятельности от простых форм к более сложным, показатель *овладения* им мира, когда особую роль играет духовный

аспект: знания и наука, образование и искусство и т. д.»². Культура имеет многозначный понятийный смысл, и «было бы удобнее провести и какое-либо терминологическое различие, но вообще лучше не вводить новых терминов, пока не появится в том крайней необходимости»³. Однако упростить проблему при всем желании невозможно – это одна из центральных идей философии. При этом размежевание подходов отнюдь не является стремлением противопоставлять одно другому – здесь осмысление истины, которая, в свою очередь, показала бы *историю* становления и истолкования особенностей феноменов культуры и образования.

Если с исторических позиций подвергнуть анализу практику культуры начиная с древнейших времен, то ее можно представить в виде следующих больших отделов:

- материальная сторона (пища и способы ее добывания);
- формы хозяйствования, орудия труда, оружие, бытовая утварь, жилище, одежда;
- организация форм общения и управления обществом, власть;
- союзы, брачные отношения;
- уровень знаний и познания в областях естественной и социальной природы;
- духовность (мифология, религия, мораль, музыка, танцы и т. п.).

Таким образом, под культурой можно подразумевать экзистенцию без какого-либо противопоставления народов друг другу в материальной и духовной областях. Культура – это одновременно и все то, что связано с исторически-результативной деятельностью человека, и индивидуализированное явление по признаку качества специфически выраженного в связи с отдельным народом – то, что О. Шпенглер называл габитусом культур⁴.

Очевидно, наличие культурного контекста образования позволяет говорить о тождественности феноменов «культура» и «образование». Доминирующая зависимость второго от первого очевидна: образование не обладает ни характером сущности, ни собственной бытийственностью, его «судьба» – быть «подсистемой» в системе «культура» или «посредником» между культурой и человеком. В то же время человек – потребитель культуры, а в системе образования он осуществляет только отбор ценностей⁵. Общее в культуре и образовании – человек, идеальное (относящееся к идеям, к деятельности мышления), духовное, чувственно-психическое, т. е. все то, что противоположно материальному. При выяснении тождества «культура – образование» следует исходить из родо-видовых свойств сущностей: культура – род, а ее видовые «сущности» многозначны, виды же наращиваются, разветвляются в процессе исторического развития культуры.

Сказанное выше необходимо для сравнения образовательной сферы России и КНР в контексте

российско-китайского межкультурного диалога, которое может быть перспективным как для понимания общих закономерностей развития образования в транзитивные периоды общественного развития⁶, так и для выявления специфики межкультурного диалога, поиска его конструктивного содержания. Анализ культурного контекста российского и китайского образования целесообразно начать с констатации исторического отличия их духовных основ, с истоков – в одном случае православия, а в другом конфуцианства⁷, – а также с обозначения современной специфики развития образования (сходства значимых для его развития факторов – глобализации и транзитивного характера развития общества).

Важно подчеркнуть, что контекст межкультурного диалога России и Китая складывался из различных этапов развития обеих культур и соответствующих им состояний сферы образования. Как правило, этот диалог опирался на принципы взаимоуважения, взаимопонимания и сотворчества (назовем это принципом обоюдности), которые отражали согласие сторон на те или иные формы и методы культурного взаимодействия. В целях анализа сферы образования обеих стран условно разделим исторические периоды межкультурного диалога России и Китая таким образом: империи, советский период, глобализация.

Период империй: официальные отношения России и Китая берут начало с момента основания в Пекине (в России правит император Петр I, в Китае – император Канси) Русской православной духовной миссии, деятельность которой была направлена на изучение китайской культуры, развитие стабильных дипломатических отношений, укрепление «духовных и культурных связей <...> между народами-соседями и государствами-соседями – Россией и Китаем»⁸. Бесспорно, и сферу образования, и структуру ценностей в обществе, и нравственный облик своих представителей в Китае формировало православие. Помимо чисто дипломатической функции миссия выполняла и функцию образовательную, став своеобразным центром, где готовились дипломаты и откуда вышли первые ученые-китаеведы, среди которых особое место принадлежит выдающемуся российскому востоковеду И. Я. Бичурину (о. Иакинфу).

В период работы миссии были заложены основы сотрудничества в области образования, созданы первые учебники китайского языка, совместные российско-китайские школы, а также началось издание на территории Китая журналов и книг на русском языке. Именно тогда была заложена прекрасная база для будущего российско-китайских отношений. Российские православные миссионеры, находясь в Китае, всегда были верны принципу «невмешательства в какие бы то ни было гражданские дела, особенно же относительно мира, любви и братского общения

со всеми»⁹. Китайское правительство, «относясь с большим уважением к российским монархам, <...> благосклонно и доверчиво смотрело и на российских миссионеров»¹⁰. В историческом итоге деятельность православной миссии в Пекине оказалась вполне солидарной с политикой России, которая «всегда была далека от цели ослабления жизненных сил Китая и от стремления навязать жителям его блага христианской цивилизации в ущерб их национальной самостоятельности, к чему клонится деятельность других европейских миссий»¹¹. Подобной же позиции уважительного отношения к традициям придерживались официальные представители Российского государства и в Монголии¹², входившей тогда в состав Китая. Таким образом, царское правительство и российская дипломатия проводили, как принято говорить сегодня, взвешенную политику на Востоке, чем во многом способствовали развитию доброго отношения к России, создав на основе первоклассного востоковедения условия для межкультурного диалога будущих поколений.

Советский период, который можно назвать победой «русского марксизма» над «русским спиритуализмом»¹³ и периодом коммунистического миссионерства, был временем наиболее активного и массового сотрудничества двух государств. Сфера российского образования, ее ценности определялись коммунистической риторикой, а образ советского человека представлял собой героическую личность, борца за идею, неутомимого труженика. Кстати, такие черты характера советского человека, как целеустремленность и трудолюбие, были близки и импонировали китайцам. В этот период активизировались прямые контакты между различными социальными слоями в двух странах. Огромное количество российских военных специалистов, работников промышленности, культуры и образования непосредственно обучало китайских специалистов, китайские студенты и аспиранты обучались в СССР, т. е. образовательная компонента межкультурного диалога была значительной. Отметим, что до сих пор эти люди сохраняют и во многом определяют доброе отношение к нашей стране и российскому образованию.

События 1960–1980-х гг. принесли охлаждение в наши отношения. Последующая стабилизация была приостановлена процессами в нашей стране, связанными с так называемой перестройкой, обозначившей резкий идеологический переход. В это время начинается активизация контактов Китая с Западом в экономике, а затем и в образовании. Именно в этот период происходит изменение качества общения между нашими народами. Уровень общения прошлых лет, периода взаимодействия с культурной частью российского общества, снизился до уровня частных коммерческих контактов россиян и приграничной миграции

китайских граждан. Неорганизованность и внутригосударственные проблемы в России сыграли в этом новом познании друг друга отрицательную роль, на смену духу советского патриотизма пришел дух декаданса. В этот период имидж граждан России как образованных и ответственных людей изменился, конечно, не без помощи российских СМИ – тогда-то китайцы и узнали других русских. Однако эти негативные явления не разрушили окончательно доброго восприятия России Китаем. Причина тому – вклад старших поколений, совместная борьба за независимость. Китайский народ и сегодня бережно сохраняет могилы советских воинов на территории КНР.

В *период глобализации*, на первый взгляд, создается «единый мир», который «обладает многими достоинствами и удобствами, он выглядит очень привлекательным. Однако за внешними достижениями глобализации скрываются многие негативные процессы: тотальная унификация, нивелировка, исчезновение национальных культур, упрощение всех видов культуры современной»¹⁴. Глобализация в сочетании с последствиями «смутного времени», пережитого Россией, оказала сильное влияние на сферу российского образования и общество, в котором все еще сохраняется состояние мировоззренческой растерянности, не позволяющей в полной мере определить выход из «ментального вакуума»¹⁵. В то же время «китайское чудо» конца XX в. лишнее раз подтвердило, что в странах с восточной культурой экономическая модернизация эффективно осуществляется в рамках более этатистских, менее либеральных политических и экономических режимов, чем в странах с западной культурой¹⁶. В Китае в широкий оборот введено понятие «Вэнь» (вся сумма культурных представлений, унаследованных от предков), которое стало своеобразной формулой сохранения социальной стабильности¹⁷. Руководством КНР развивается мысль о том, что демократическое управление должно строиться на основе законов, справедливости, искренности и дружбы, раскрытия жизненных сил. В материалах, принимаемых на основе правительственных и партийных решений, отмечается, что такой путь является современным проявлением великой жизненной силы китайской традиционной культуры, выдвигается идея социальной гармонии, названная главным ценностным ориентиром¹⁸. Сосредоточенность на достижении нового качества трудовых ресурсов неразрывна с образованием молодежи. Такой подход – ставка на молодое поколение – прослеживается в политике современного китайского государства, патерналистского по своей сути.

Последние десятилетия в Китае (министр образования КНР Чжоу Цзы назвал это время периодом Нового Китая¹⁹) – это время реформ. Основная идея, положенная в их основу, выра-

жена в короткой фразе архитектора современного облика КНР, автора китайской перестройки Дэн Сяопина, который прозорливо предвидел, что в современном мире для выживания пригодится все – и современная промышленность, и вековой потенциал, накопленный народом, и инновационное образование: «Образование должно повернуться лицом к модернизации, к миру, к будущему»²⁰. Почему образование? Потому что со времен Конфуция это путевка в жизнь, а дети – это не обуза, а будущее Китая²¹.

Современная модернизация китайского общества, по мнению китайских идеологов, опирается на три понятия: «реформы – развитие – стабильность»²². Отличительной чертой китайских экономических реформ является тщательный отбор наиболее оправданных шагов: «...старые институты не вытеснялись мгновенно, а постепенно вытеснялись новыми»²³. Реформы, разработанные китайским руководством, спасли общество, и особенно молодежь, от состояния неопределенности, растерянности, фрустрации со всеми его последствиями – депрессией, пассивностью, агрессивностью. Сегодня китайская молодежь упорно учится как в Китае, так и по всему миру.

Секрет эффективности политики реформ – в сочетании положительных сторон старых традиций и новых достижений цивилизации, сохранении преемственности в развитии сферы образования, опоре на национальную культуру. Известно, что практика построения коммунизма с китайской спецификой была основой разногласий китайского и советского руководства²⁴. Как оказалось, советские коммунисты-интернационалисты были не правы – идея, оторванная от национальной почвы, желаемых всходов не дала. Сегодня практика внутренней и внешней политики Китая – глобализация с китайской спецификой – приносит ощутимые плоды. Новая и старая идеология органично соединилась с традиционной конфуцианской этикой. Конфуцианская идея самосовершенствования, традиционное уважение к знаниям и идеи социальной справедливости, взаимопомощи используются в наши дни для решения новых задач. Немаловажно, что патриотизм, наряду с трудолюбием и упорством, – основное качество современного гражданина Китая.

Таким образом, межкультурный диалог как фундаментальное явление современной общественной жизни имеет устойчивую связь со сферой образования, определяющей не только культурный облик страны, общества, но и дух государства²⁵. Достижение консенсуса в культурном диалоге – всегда результат намерений и усилий участников общения, признающих иную структуру и иерархию ценностей, объективно оценивающих слабые и сильные стороны партнера в интересах сохранения паритета интересов.

Следует признать, что современный характер межкультурного диалога России и Китая свидетельствует об утрате российским образованием былых позиций – прежде всего в его культурном контексте. Другими словами, личность, которая рождается в существующей сфере российского образования, утратила черты «духовной очевидности»²⁶, традиционной для культуры России. В соответствии с китайскими представлениями мы «теряем лицо», а потому недостаточно готовы к равноправному межкультурному диалогу. Если использовать спортивную терминологию, в отличие от российского китайское общество находится в лучшей форме. Командный дух, сплоченность, ощущение новых побед²⁷, социальная стабильность, защищенность от чрезмерных поучений «доброжелателей» обеспечивают китайскому обществу победный настрой.

На наш взгляд, сегодня как никогда важно обращаться к исторической памяти и историческому опыту «духовного делания», опираться на традиции, присущие российской культуре²⁸, на сильные стороны российской образованности, традиционно построенной на нравственных установках, приложить все силы к тому, чтобы вернуть сфере образования ее целостность, т. е. гармоничность образования в узком и широком смысле, тем самым достигнув равноправия России и Китая в диалоге культур.

Выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечание

- ¹ См.: Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2006. С. 86.
- ² Кузнецова В. В. Человек в контексте социальных форм жизнедеятельности. Саратов, 1995. С. 105.
- ³ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 161.
- ⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 267.
- ⁵ См.: Большаков В. И., Худяков С. И. Объединяющая культура // Объединяющая культура. М., 2008; Буева Л. П. Культура и образование. Проблемы взаимодействия // Вопр. философии. 1997. № 2; Сесюнина И. Б. Философские проблемы образования // Образование в Сибири. 1995. № 1.
- ⁶ См.: Фурсенко А. А. Задачи, стоящие перед образованием // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. В. Ясин. М., 2012. Кн. 1. С. 88–98; Абанкина И. В., Красилова А. Н., Ястребова Г. А. Проблемы и перспективы развития образования в сельской местности в странах с переходной экономикой (на примере России и Китая) // Там же. Кн. 2. С. 351–360.
- ⁷ Духовная культура Китая: энцикл. : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 2006. Т. 1.

- ⁸ История русской духовной миссии в Китае / под ред. С. Л. Тихвинского, В. С. Мясникова, А. С. Ипатова [и др.]. М., 1997. С. 12.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² См.: *Шишмарев Я. П.* Русский консул в Монголии : отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
- ¹³ См.: *Рожков В. П.* Методологическая поляризация русского марксизма и русской религиозной философии на рубеже XIX–XX столетий // *Русская философия : единство и многообразие* / под ред. проф. В. А. Фриуфа. Саратов, 2010. С. 26–44.
- ¹⁴ Приветственное слово Преосвященнейшего Лонгина, Епископа Саратовского и Вольского // *Православная культура: ценности классической науки, образования и искусства* : в 2 т. Саратов, 2010. Т. 1. С. 4.
- ¹⁵ См.: *Устьянцев В. Б.* Амбивалентный человек в обществе риска // *Православный миссионерский форум ПФО. Православная культура как основа духовного возрождения России.* Саратов, 2007. С. 79.
- ¹⁶ См.: *Латов Ю. В., Латова Н. В.* Страны восточнославянской цивилизации на ментальной карте мира по методике Хофстеда // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества ... Кн. 3. С. 186.
- ¹⁷ См.: *Мартыненко Н. П.* «Вэньцзы» и истоки китайской культуры // *Вопр. философии.* 2004. № 9. С. 115.
- ¹⁸ См.: *Линь Яньмэй.* О теории социалистического гармоничного общества // *Вопр. философии.* 2007. № 5. С. 38–44.
- ¹⁹ См.: *Россия – Китай : образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. : сравнительный анализ* / отв. ред. Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяо Мэнь. М., 2007. С. 7.
- ²⁰ *Боровская Н. Е.* Образовательная империя в социалистическом Китае // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Март. С. 70–71.
- ²¹ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²² *Россия – Китай ...* С. 470.
- ²³ *Полтерович В.* Стратегии реформ в Китае и России // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Февраль. С. 34–37.
- ²⁴ *Бажанов Е.* Наблюдение из посольства. Начало 80-х // Там же. С. 38–41.
- ²⁵ См.: *Бурдьё П.* Дух государства : генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. ; СПб., 1999. С. 125–166.
- ²⁶ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. М., 2006. С. 85.
- ²⁷ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²⁸ См.: *Кантор В. К.* Евг. Трубецкой : совместимы ли христианская демократия и русская идея равенства? // *Вопр. философии.* 2007. № 11. С. 20.

УДК 1:[316.473+316.3+316.334]

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. М. Соколова

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению двух моделей социальности – субстанциональной и коммуникативной. Автор отмечает, что каждая из этих моделей описывает только один аспект социального бытия, в связи с чем возникает необходимость поиска новой модели социальности. Одной из таких моделей является теория институциональных матриц.

Ключевые слова: социальность, общественное бытие, коммуникация, социальный институт, институциональная матрица.

The Substantial and Communicative Models of Sociality: the Comparative Analysis

D. M. Sokolova

The article provides discussion of substantial and communicative models of sociality. The author notes that each of these models

describes only one aspect of the social being. That's why there is a need of searching of new models of sociality. The theory of institutional matrices is one of such models.

Key words: sociality, social being, communication, social institution, institutional matrix.

В истории философии можно выделить два направления, в которых осуществлялась концептуализация социального. Исторически первой сложилась субстанциональная модель; ее истоки восходят к философии Платона, однако учитывая тот факт, что античность не знала представления о социальном, считать его основоположником данной концепции было бы ошибочным. Г. В. Ф. Гегель, которого принято считать автором субстанциональ-